

УДК 821.161.1

М.В. ТОПЧИЕВА

(topchieva_nn@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В РАССКАЗЕ Л. ГОРАЛИК «АГАТА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ»

Исследуется образ ребенка в современной русской литературе. На примере рассказа Л. Горалик «Агата возвращается домой» рассматривается жанровая трансформация святочного рассказа, пародийное смещение традиционных жанровых признаков и сюжетов, актуализация мифопоэтической модели хронотопа. Жанровая диффузия отражает специфику соотношения рационального и эмоционального в рассказе.

Ключевые слова: Л. Горалик, образ ребенка, топос детства, хронотоп, пародия, психологизм.

Образ ребенка в русской литературе занимает особое место. В классической литературе он является способом актуализации позиции автора и средством характеристики «взрослого» героя. Ребенок изображался чистым, божественным существом (например, апология ребенка у Достоевского). «Кульм детства», сформированный в русской словесности, в XX в. заметно трансформируется: ребенок совершает опыт (порой болезненный и трагический) познания «страшного мира» взрослых, система ценностных ориентиров ребенка – некая этическая норма – сталкивается с абсурдной реальностью, исключающей порой традиционные аксиологические формы бытия. В XX в. совершается отказ от закрепившейся в литературной традиции идилличности в изображении детства (например, у Зинovieвой-Аннибал). На первый план выступает «движение» маленькой души, становление самосознания ребенка.

Интерес писателей к детству в современной литературе обусловлен стремлением к познанию антиномичной сущности человека, к пониманию тайн выхода из «кризисного времени» и роста (М.М. Бахтин). Внимание автора сосредоточено на тех ключевых моментах жизни героя, в которые самосознание и самопознание героя наиболее актуализируется.

В современной русской прозе сохраняется незыблемость образа ребенка как носителя этической нормы (показателен в этом плане художественный опыт зрелого В.Распутина). Ребенок воспринимается как единственная альтернатива абсурду и хаосу окружающего мира. Подобные признаки мы наблюдаем и в творчестве одной из знаковых фигур современной отечественной словесности – Линор Горалик.

«Агата возвращается домой» – произведение, написанное в 2008, повествует о необычайной встрече в лесу восьмилетней девочки Агаты и маленького бесенка, обманувшего ее и приведшего к своему отцу вместо обещанного тайника с кладом. В образе отца воплощен классический мифолого-литературный образ искушителя Люцифера. С ним маленькая героиня играет в ладоши, что сначала доставляет ей радость, а потом приносит резкую боль. Бес делает ей подарок – кольцо, обеспечивающее его обладателя любой помощью дьявола, а главное – возможность играть в ладоши, когда захочется. «Это не сделка», – уверяет Агату Сатана. Вернувшись домой, девочка сильно тоскует и заболевает. Только выбросив кольцо, ей удастся спасти себя [1].

В тексте Горалик актуализируется широкий диапазон традиций, связанных с жанром святочного рассказа, но семантическое поле традиций переосмысливается с учетом эстетики и знаковых признаков постмодернистского текста. Так, в постмодернистском ключе актуализируется художественное пространство праздника. На первый взгляд, перед читателем воспроизводится традиционная праздничная атмосфера: все палисадники украшены рождественскими гирляндами, электрическими оленями, ненастоящими Санта-Клаусами. Вместе с тем в представленном праздничном пространстве доминиру-

ет в большей степени не праздничный эффект, а скорее театрально-маскарадный, «масочный», эксплицирующий постмодернистский прием «мнимого знака», симулякра. Создается пространство игровое, построенное как пространство искусственное, ненастоящее, ролевое.

Художественное время в сказке также вполне соответствует жанровой традиции. События локализованы в подчеркнута сжатом времени – около суток, однако время оказывается не линейным, а движется по-разному: замедляется, убыстряется, становится разветвленным. Возникает ощущение, что время течет не само по себе, а подчиняется неким сценическим театральным законам: временные провалы и смещения как бы смоделированы невидимым режиссером, наблюдателем, участниками одновременно творцом происходящих событий: *Сейчас Агата ничего этого не видит – она играет в кухне, за окном кухни – не палисадники, а лес, быстро становящийся серо-синим, хотя на часах всего три [Там же].*

Л. Горалик намеренно утрирует сказочную формулу, как бы подчиняя сюжет своей сказки установленной жанровой модели, лишая тем самым фабульную канву произведения художественной самостоятельности и снижая интригу. Агата помещается автором текста в заранее искусственный мир, смоделированную реальность, представленную определенным набором фольклорно-литературных сюжетов, мотивов, образов, а также закрепленных за памятью литературного жанра поведенческих реакций героев. Пространство, в котором существует героиня, представлено как пародия на жанровую модель сказки, с одной стороны, и святочного рассказа – с другой. Поэтому многие элементы текста, актуализированные в пространстве пародии, не кажутся странными и не противоречат пародийной логике. Так, пограничность пространства, его смещенность и диффузию фиксирует топос дома Агаты, который расположен рядом с лесом, на краю маленького города. Подчеркнутую искусственность зимнего пейзажа создает небо – «невозможно синее», «волшебное».

Художественный мир произведения предстает как смоделированная реальность, напоминающая по своим функциональным характеристикам то сцену театра, то детско-подростковый квест с заданными вариантами действий по пути к достижению заявленной цели. Этот мир изначально театрален и нереален, и автор не пытается доказать нам обратное. Все происходящее заранее условно. Мы не знаем, в какой стране совершается описываемое (хотя автор тонко намекает, что действие происходит в европейской стране, поскольку использует соответствующую той культуре онимастическую символику и экзотический для отечественной культуры антураж); конкретно-исторические признаки времени также весьма размыты и обобщены. Автору важно акцентировать повторяемость, универсальность истории. И в этой авторской стратегии усматривается не только актуализация жанровой модели притчи, но и пародийное обыгрывание подобной актуализации с учетом проекции текста в рамках пространства постмодернистской условности. Воссозданная в тексте Горалик художественная псевдореальность ориентирована на постмодернистский феномен хаокомоса как экзистенциального пространства, в котором хрупкость мира Хаоса и Зла и стабильность мира Гармонии и Добра существуют в состоянии некоего динамического равновесия, которое устанавливается в итоге человеческим выбором. При этом сам выбор всегда открыт и не завершен.

Фантастичное происшествие Агаты спровоцировано одиночеством героини, ведь родители уехали на весь день, а *«Агата сидит дома и умирает со скуки»* [Там же], поэтому приходится играть с ледяным окном. В тексте наблюдается свойственный святочному рассказу отказ от традиционной идилличности в изображении ребенка. Характер героини представлен не как цельный и статичный, а как сложный и противоречивый. Агата представлена в двух ипостасях. С одной стороны, она еще совсем ребенок. Ей всего 8 лет, она любит играть, стремится к приключениям, и в душе своей наивна и доверчива, то есть психологический портрет героини при первом приближении вполне соответствует возрастным параметрам ребенка младшего школьного возраста, с присущим этому возрасту эмоционально-образному восприятию мира: *Агате никогда в жизни не было так хорошо, ей даже слишком хорошо, чтобы смеяться, она просто улыбается во весь рот этому удивительному человеку в серой*

мохнатой шубе. Она чувствует, что может продолжать игру в ладоши всю жизнь, она не представляет себе, как еще минуту назад могла мечтать попасть домой, она даже не может толком сообщить, зачем ей было нужно домой [Там же]. С другой стороны, выбор, который делает героиня, те заблуждения и искушения, которым она подвергается, типичны не для ребенка, а скорее для подростка, пребывающего в возрастной пороговой ситуации – между «детскостью» и взрослой жизнью: Вдруг Агате страшно хочется пойти погулять... *Агата обещает себе, что выйдет всего на две минуты и зайдет в лес всего на сто шагов, а потом повернется и немедленно вернется назад по собственным следам, и окажется дома еще до того, как окончательно стемнеет, и вообще не сделает ничего плохого* [Там же]. Рефлексия героини о своих поступках и действиях вполне рациональна и не по-детски практична: *Клад гораздо лучше, чем ноющий бес в доме, которого еще непонятно, куда девать. Если Агата принесет домой клад, ей, во-первых, все поверят. Во-вторых, сказочное богатство им очень даже не помешает, особенно если мама действительно вот-вот забеременеет* [Там же]. Девочка переживает экзистенциальное по своей сути событие, из которого извлекает важный нравственный урок, что не может не отразиться на ее сознании и восприятии мира. Во время игры в ладоши от осознанных воспоминаний пропадает веселье, девочка обжигается: *Внезапно она понимает, что все это происшествие – совершенно ужасное, что вот она стоит в мертвом стеклянном лесу, совершенно одна, и только что она играла в ладоши с очень страшным человеком, а может, и не с человеком вовсе, и улыбалась ему, и была счастлива, и что она хочет домой, домой, домой!* [Там же].

В Агате все время борются два начала – эмоциональное, по природе своей свойственное детской наивной и искренней душе, и рациональное, фиксирующее этапы взросления «маленькой героини» – пробуждения в ней разумного, логически-рассудочного сознания. После каждого из сделанных ей бесом предложений, она соотносит свои желания с пользой, которую может принести подарок: *Она делает еще один маленький шагжок вперед, хотя страх перед человеком в шубе и желание бежать прочь становятся все сильнее* [Там же]. Постепенно борьба внутри девочки нарастает, эмоции берут верх. Соблазн слишком велик: Агата хочет только одного – забыть этот ужасный звенящий лес, оказаться дома, дома, дома. Никогда она не пожелает помощи этого человека, никогда не позовет его, никогда – никогда, – это так понятно, что Агата начинает смеяться. Она возьмет это кольцо, лишь бы оказаться дома, конечно. *Агата подставляет ладонь, человек в серой шубе улыбается и роняет в нее прозрачное колечко* [Там же].

Однако внутренняя нестабильность и противоречивость характера героини не снимаются и в заключении сказки (несмотря на внешне позитивный финал). «Детскость» героини, которая пройдя этапы инициации и вхождения в мир взрослых, так и остается в итоге ребенком, может прочитываться не столько в возрастном и психологическом ключе, сколько в более глубинном – метафизическом плане, позволяющем искать в рассказе притчевые основы. Бессознательная тяга человека к таинственной бездне, завороченность хаосом, символически воплощенном в образе леса, не преодолевается космическим миропорядком Дома, в который возвращается Агата. Равновесие сил Добра и Зла понимается автором не как абсолютное, не как некая константа бытия, а скорее как временная стабильность. В мире, созданном в сказке Горалик, по сути, отсутствует стабильная и устойчивая альтернатива темному миру леса. Мир добрый и светлый как бы вынесен «за скобки» реальности: это не некая данность, а вечный путь «возвращения домой», к себе, к тому Эдему, который утратил человек, сохранив в душе тоску по счастью и идеалу.

Литература

1. Горалик Л. «Агата возвращается домой». URL: <http://linorgoralik.com/agata.html> (дата обращения: 08.10.2015).
2. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
3. Харитоновна Е.В. Феномен детства в прозе Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

TOPCHIEVA M.V.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

***RATIONAL AND EMOTIONAL IN THE STORY
L. GORALIK “AGATHA COMES BACK HOME”***

The article investigates the image of a child in the modern Russian literature. For example, the story L. Goralik “Agatha comes back home” is considered a genre transformation Christmas story, a parody of traditional offset genre characters and stories, updated mythopoetic model chronotop. Conversation diffusion reflects the specific ratio of rational and emotional in the story.

Key words: L. Goralik, image of a child, topos childhood, chronotop, parody, psychology.